

О картографировании экстралингвистических признаков на этнолингвистических картах (по поводу книги Плотниковой А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. Москва: Индрик, 2004. 767 с).

Адресованная специалистам по славянской и балканской лексикологии, диалектологии, лингвогеографии и ареалогии, а также всем интересующимся проблемами взаимосвязи языка и культуры — культурологам, фольклористам, этнографам, — новая монография московского слависта и этнолингвиста Анны Аркадьевны Плотниковой¹ исследует терминологическую лексику славянской духовной культуры и обозначаемые этой лексикой экстралингвистические явления из сферы народного календаря, семейной обрядности и народной мифологии в пространстве Южной Славии. Книга имеет ясную и стройную структуру построения: за Введением (с. 7–14) следуют главы «Этнолингвистика и проблемы картографирования» (с. 15–62), «Южнославянская этнокультурная лексика в свете ареальных противопоставлений» (с. 63–249), «Южнославянские ареалы» (с. 250–330) и Заключение (озаглавленное «Культурно-языковые ареалы в южнославянско диалектном пространстве», с. 331–338); завершают издание — с полным основанием занимая при этом половину объема книги! — прекрасно исполненные технические разделы Карты (числом 47), Литература и источники (по всей видимости, около 500 наименований), Предметно-тематический указатель и Список карт. Фактическую основу исследования составляет богатейший материал, эксцерпированный из научной литературы, а также

---

¹ См. предшествующие монографические работы А. А. Плотниковой: Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996 (с рядом переизданий); Словари и народная культура. М., 2000.

полевые наблюдения автора и его коллег. Правильным и полностью оправдавшим себя в ходе исследования следует признать обращение автора не к какой-либо одной «национальной языковой территории» и какой-либо одной южнославянской традиции, а ко всему континууму южнославянских языков (и традиционных народных культур) в целом. Специфику южнославянской ареалогии автор справедливо видит в сложном взаимодействии языковых и культурных традиций Балкан. Отмечу особо, что А. А. Плотникова сочувственно относится к идее «обоснования духовной общности балканских народов» и к стремлению «конкретизировать и выявлять общие смысловые² характеристики их традиционной духовной культуры».

Теоретические основы работы составляют широко известные в России и славянских странах разработки основанной Н. И. Толстым «московской этнолингвистической школы»,³ придающей, в частности, большое значение исследованию ареального распространения терминологической лексики и фразеологии традиционной духовной культуры славян методами т. наз. этнолингвистического картографирования и накопившей в этой области значительный опыт. Вместо традиционного обозначения «лексика духовной культуры» в монографии — из оставшихся неясными соображений «удобства описания сложного взаимоотношения формального и содержательного планов» (с. 7) — используется термин «этнокультурная лексика», функционирующая в «этнокультурном контексте». Данное терминологическое новшество вряд ли можно признать удачным хотя бы уже в силу существенно различных объемов понятий, между которыми предлагается поставить знак равенства: «этнокультурным», как кажется, предпочтительно считать то, что относится к «(идио)этнической культуре» в целом, включая сюда и культуру материальную. Но в любом случае совершенно оправданно внимание автора не только к распределению в пространстве самих лексем и их значений (в также внутренней формы обозначения), но и к широкому — языковому и внеязыковому — контексту функционирования этих лексем (для второго из этих контекстов автор пользуется не слишком удачным обозначением «экстралингвистические признаки рассма-

² Справедливости ради следует заметить, что в поле зрения автора попадают не только смысловые, но и формальные характеристики, такие как общий лексический фонд разных балканских языков или общие структурные модели номинации.

³ См. в особенности: Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995–.

триваемой лексики»). Учет этого контекста производится как на этапе отбора лексических единиц для картографирования, так и при выборе условных знаков для карт, определении изоглосс, анализе карт, исследовании получаемых ареалов и т.д.

В 1996 г. — в рамках проекта Малого диалектологического атласа балканских языков (МДАБЯ) — А. А. Плотникова с целью последующего сбора сопоставимого лексического материала для его дальнейшего картографирования создала единую для балканских славянских и неславянских культурных традиций программу-идеографический вопросник по лексике духовной культуры по темам „Народный календарь», «Сельскохозяйственная обрядность», «Семейная обрядность» и «Народная мифология» [Плотникова 1996]; данный вопросник воспроизводится и в монографии 2004 г. (с. 38–55) в существенно измененном виде. Надо сказать, что в своей первой редакции программа определялась⁴ еще как «фрагмент семантического вопросника» и как «идеографический сравнительный словарь балканской терминологии традиционной духовной культуры». Имелся в виду «словарь <семантем>, своего рода идеографический словарь, где бы вычленяемые структурные компоненты традиционной народной культуры, закрепленные в языке терминологически, составляли исходный материал и служили как бы <заглавными словами> для ряда лексем нескольких генетически или типологически близких языков»; «подобный принцип описания лексики — <от значения к лексеме> — наряду с дополняющим его — <от лексемы к значению>, как известно, используется в лексических атласах, создаваемых на основе нескольких языков и диалектов».⁵ Естественным образом там же — в соответствии с общей концепцией МДАБЯ — предполагалось уделить особое внимание «этнокультурному контексту функционирования слова, поскольку *название* (курсив А. С.) реалии может быть мотивировано определенными обрядовыми действиями, ритуальной речью исполнителя обряда или представлениями о внешнем облике, функциях мифологического персонажа» [Плотникова 1996: 9] и подчеркивалась важность обнаружения «функционально значимых признаков, на основании которых возможно сопоставление столь далекой на первый взгляд

⁴ Ср. статью Плотникова А. А. Семантический подход к описанию терминологии южнославянской обрядности// Вопросы языкознания. № 2. 1997. С. 77–89.

⁵ Этот подход, принятый и для описания лексики материальной культуры, последовательно применен в ныне находящемся в печати первом томе Лексической серии МДАБЯ «Лексика духовной культуры».

лексики неродственных языков» [Плотникова 1997: 77, 79]. Сбор собственно экстралингвистической информации должен был осуществляться на основе специального приложения к лексическому вопроснику — вопросов в разделе «Темы для бесед с информантами», не всегда соотнесенных напрямую с конкретными лексическими вопросами (см., например, в разделе мифологии «Что считается причиной бешенства людей, животных?»), но в комбинации с ними позволяющий собрать материал, достаточный для комплексного этнолингвистического описания отдельной локальной традиции [Соболев 2001; Юллы, Соболев 2002, 2003; Бара, Каль, Соболев 2005]. К сожалению, именно этот этнографический и антропологический раздел почему-то последовательно опускается автором при всех последующих переизданиях вопросника, который продолжает характеризоваться как этнолингвистический.

В монографии 2004 г., по сравнению с концепцией сбора лексического материала для МДАБЯ и наиболее ранней версии исследовательской программы автора, стало очевидным стремление А. А. Плотниковой к развитию своих исследований от собственно лингвистического «выявления <культурных> фрагментов, отраженных и закрепленных в языке терминологически», от «структурирования реальной действительности на отдельные, имеющие свое <имя> в языке отрезки»⁶ к комплексному изучению «этнокультурных феноменов» (с точки зрения семантики, внутренней формы, мотивационных признаков, а также символики, «экстралингвистических характеристик» и контекстов функционирования; равно как и с точки зрения географического соотнесения лексических и экстралингвистических феноменов); и такое стремление, конечно же, нельзя не приветствовать. Таким образом, читатель книги, знакомый с предшествующими этапами работы над этой темой, обязан обратить особое внимание на то, как решена эта расширенная задача, поставленная перед собой самим автором, — представить не узколингвистическое (хотя бы и в виде ареального словаря южнославянской лексики духовной культуры), а комплексное, этнолингвистическое ареалогическое исследование, опираясь именно на созданную в 1996-м году программу. Т.е. наше внимание здесь будет посвящено исключительно экстралингвистическим признакам, ареалогическое исследование которых в их неразрывной связи с собственно

---

⁶ Ср.: «Основное внимание в монографии уделено изучению ареалов на основе картографирования лексики и соответствующих экстралингвистических явлений, поэтому работа приближается к жанру атласа культурных диалектов Южной Славии» (с. 10).

лингвистическими⁷ и должно, по очевидному замыслу автора, составлять абсолютное новаторство его работы. Лингвистические аспекты картографирования (а также некартографические способы презентации языкового и экстралингвистического материала) здесь затрагиваться не будут. Не будет обсуждаться также вопрос о проблематичности синхронного картографирования данных источников, разнесенных во времени иногда более чем на сто лет, и вопрос о качестве самих источников. Все высказываемые ниже критические соображения никоим образом не влияют на общую самую высокую оценку труда А. А. Плотниковой, который, надо надеяться, послужит образцом для последующих исследований.

В рамках универсальных тем программы автором «был выявлен набор признаков, которые могли бы по самым предварительным наблюдениям считаться балканскими, т.е. в данном случае либо общими для нескольких балканских традиций и отсутствующими вне Балкан, либо свойственными одной традиции, но по типу и характеру отвечающими «балканской модели мира»» (с. 9–10). В своем монографическом исследовании автор заполнил данную сетку признаков по данным полевых исследований и по опубликованным источникам, сконцентрировав «внимание на тех признаках, которые оказались наиболее устойчивыми в плане причисления их к балканским или, относительно южнославянской проблематики, — к балканославянским»,⁸ и охарактеризовать их ареалогически (с. 10). В то время как с количественным параметром причисления признака к ряду «балканских» (встречается в некотором количестве балканских языков) вопросов не возникает, то оперирование такими характеристиками, как «по характеру отвечающий» и «наиболее устойчивый» при отсутствии экспликации методов отбора признаков⁹, кажется достаточно произвольным (к сожалению, во Введении нет разъяснений касательно различия первых и вторых). Тем более что через 3

⁷ О том, насколько трудным для автора оказалось нахождение теоретической «золотой середины» между лингвистикой и внелингвистическими дисциплинами (прежде всего этнографией), свидетельствует то, что основное содержание книги дефинируется им то как исследование «распространения терминологической лексики», то как «попытка представить географию традиционной народной духовной культуры на базе ее лексических, гезр. терминологических, реализаций» (с. 12).

⁸ Ср. с пониманием термина «балканославянский» в классической работе Birnbaum H. *Balkanslavisch und Südslavisch*//*Zeitschrift für Balkanologie*. Jg. III. 1965. С. 12–63.

⁹ См.: В поисках «балканского» на Балканах. Балканские чтения 5. М., 1999.

страницы автор говорит уже о «географическом описании терминологической лексики показательных с точки зрения членения южнославянского диалектного континуума (курсив А. С.) фрагментов народного календаря, семейной обрядности и народной мифологии».

В любом случае, в поле зрения автора попали следующие «балканские» или «балканославянские» явления:

Народный календарь

1. «Мышиный» день; 2. «Волчь» дни; 3. «Медвежий» день; 4. Хрононимы Рождества; 5. Рождественский каравай (названия и типы); 6. Рождественский фигурный хлеб; 7. Рождественское полено; 8. Зимние дружины ряженных (наименования от *star-, *dъd-, *bab-); 9. Новогодние дружины (названия от *surva-); 10. Последний день масленицы; 11. Масленичный и летний ритуальные огни; 12. Масленичная игра с подвешенными предметами; 13. Мартовские ритуалы, поверья и легенды («Баба Марта», «мартеница»); 14. День св. Иеремии — заклинание против змей; 15. Весенне-летние девические обходы; 16. Весенне-летний окказиональный обряд вызывания дождя

Семейная обрядность

1. Женский праздник по случаю рождения ребенка; 2. «Рубашечка»; 3. Послед; 4. Ребенок — участник свадьбы; 5. Плач, голошение по умершему; 6. Поминки после погребения покойного; 7. Поминки в течение календарного года

Народная мифология

1. Вила; 2. Вампир; 3. Ведьма; 4. Демон-герой и его противник; 5. Демон — хозяин места; 6. Дух некрещеного ребенка; 7. Демоны, определяющие судьбу

Экстралингвистические (и, разумеется, все релевантные лингвистические) сведения по каждой из обследованных в монографии тем приводятся в прилагаемом к каждой карте разделе «Пункты фиксации материала», являющемся, собственно, необычайно солидным фактографическим фундаментом всей работы. Так, на с. 342–347 для каждого из 107 картографируемых пунктов приводится вся информация, которую автор счел необходимым связать с темой карты «Мышиный» день: от пункта 1. Рож (словенцы в Австрии) «запрета шить на масленицу, чтобы мыши не поели пряжу» через пункт 56. Бырзия, р-н Берковицы (Болгария) «Мишкинден (осенний праздник в конце октября); мазали углы помещений глиной, чтобы «замазать» мышам глаза» до пункта 107. Резово в области Странджа (Болгария):

«Света Катерина = Мишин ден (24.X/6.X1). Разбрасываюу по углам дворовых построек вареное зерно, чтобы умилоустивить мышей». Излишне говорить, насколько беспримерен многолетний кропотливый труд автора в сведение в единую базу данных и презентацию этих интереснейших сведений.

На пути, который экстралингвистическая информация проходит от раздела «Пункты фиксации материала» до карты, она подвергается синтезирующей обработке в соответствующей главе монографии. Экстралингвистическая информация дана в главе как в достаточно обобщенном виде, так и с отсылкой к конкретным регионам и даже единичным пунктам обследования. Например, в главе «Мышиный» день (с. 64–72) подробно описываются «ритуально-магические профилактические меры» по предотвращению вреда, наносимого этими животными, — многочисленные обрядовые действия (запреты на все виды работы или только на женские и т.п.; запрет на приготовление пищи на огне или наличие ритуальных костров; запрет прикасаться к острым предметам; изготовление ритуального хлеба «для мышей»; ритуалы «замазывания глаз мышам»; ритуалы изгнания мышей из дома; запрет на открывание сундуков, на упоминание мышей в этот день и т.д.); приводятся и соответствующие «культурные контексты» (например поверия, речевые формулы, ритуалы-диалоги, фольклорные тексты, легенда о св. Несторе, убившем язычника, из живота которого вылезли и разбежались повсюду мыши, и мн. др.). Большое внимание уделено времени празднования (отдельный день, несколько дней, периоды календаря — суббота после девятого вторника, считая от Рождества; масленица; начало масленичной недели, пятница, суббота на масленичной неделе; последний день масленицы; суббота накануне Великого поста; первая суббота, первый понедельник Великого поста; день св. Трифона (1/14.П); 1–3 февраля; день св. Харлампия (10/23.11); первое марта; следующий после дня св. Димитрия (27.X/9.X1) день; день св. Екатерины (24.X/6.X1.) и др. — сводятся в этом разделе в сезонные «блоки» осень, зима или весна; именно это отнюдь не бесспорное решение найдет затем частично свое графическое отражение на карте в качестве ее единственного экстралингвистического параметра (маркированы особым знаком пункты, где этот день или дни приходится на весенний период, хотя бросается в глаза противопоставленность пунктов, в которых эти ритуалы имеют место в день св. Трифона, и пунктов, увязывающих их с масленицей, или постом, или первым марта)). Никакая другая экстралингвистическая информация, например, наличие специального «Мышиного»

дня в противопоставление дням защиты от диких животных вообще (или дням, в которые исполняются защитные ритуалы) или чрезвычайно показательная внутрисистемная связь специального дня с другими календарными днями или периодами (днем св. Димитрия, днем св. Трифона, постом, масленицей, первым марта и т.п.) на карте (см. легенду на с. 342) эксплицирована не будет; не будет отражен также ни один из ареалов ритуальных действий, включая даже широко распространенный «специфический ритуал-диалог, направленный на то, чтобы «замазать», «залепить» мышам глаза» (с. 69), и т.д.

Вся эта богатейшая экстралингвистическая информация, оставшаяся вне карты, не предусмотрена также соответствующим вопросом новейшей редакции программы, который формулируется так: День после праздника св. Димитрия (27.X/9.X1): признак «мышинный» в названиях (с. 44).

В издании 1996 г. на эту тему имелись следующие лексические вопросы:

1С. 60. «Мышиный» день (27.10 /9.11 после дня св. Димитрия — 26.10 / 8.11)

1С. 60.1. Название дня, празднуемого, чтобы в доме не было мышей

1С. 60.2. Как называли в этот день мышей (табу)

Кроме того, в том же издании имелась и тема для беседы с информантами № 82: «Когда и как отмечались дни, связанные с изгнанием из дома мышей (например, 27.X — день после Св. Димитрия)? Какие запреты соблюдались в этот день?» [Плотникова 1996: 60]. Повторю, что в комбинации с лексическими, эти вопросы позволяют собрать информацию, достаточную для описания одной локальной традиции. Однако сбор полностью (формально и функционально) сопоставимого экстралингвистического материала по разным культурным и языковым традициям для его дальнейшего картографирования при такой формулировке вопросов программы (а тем более при отсутствии каких бы то ни было соответствующих вопросов в новейшей редакции программы!), разумеется, не может быть осуществлен.¹⁰ Программа географического обследования, определяемая как комплексная этнолингвистическая, должна эксплицитно предусматривать наличие/отсутствие каждого конкретного экстралингвистического явления (во всех его известных на сего-

¹⁰ Следует отметить, что, в отличие от настоящей монографии, МДАБЯ не был нацелен на решение этой задачи.

дняшний день науке вариациях) в каждом подвергающемся обследованию пункте — только тогда может быть реализован основополагающий для географии (в том числе лингвистической и этнолингвистической) принцип полноты материала, его сопоставимости и системной целостности.

В итоге в монографии из всей совокупности экстралингвистических сведений картографируется лишь та экстралингвистическая информация, которая показалась достаточной и релевантной автору, и лишь в том виде, в котором это кажется автору удобным (так, день св. Трифона причисляется к весенним!, так, для пп. 100, 102, 103 на карту наносится знак для «дериват от *миш-» хотя соответствующая лексема там не зафиксирована и др.). Удивительным образом эта информация так же импрессионистически и интерпретируется: в синтезирующем текстовом разделе книги, например, совершенно не уделяется внимания компактному северо-восточноболгарскому ареалу весеннего периода празднования «Мышиного» дня (глухое упоминание об этом находим на с. 66), наличие которого самым существенным образом влияет на ареалогическую и системную интерпретацию явления — территория осеннего специального дня (восточная Сербия, северная Македония, западная, центральная и северная Болгария) оказывается с запада, юга и востока окружена ареалом соответствующих часто неспециальных весенних дней (или днем св. Трифона). Отсутствие таких специальных дней в греческой, арумьнской и албанской традициях, где соответствующие ритуалы приурочены как раз либо ко дню св. Трифона, либо ко Дню весны и др., заставляет иначе оценить и «балканскость» самого явления.

Кажется неубедительным также вывод автора о том, что «там, где ритуально-магическая практика представлена в ослабленном виде, отсутствует и зоологический код в названии праздника (на периферии крупных ареалов «звериные» праздники получают наименования по имени святого, в день которого они проводятся)» (с. 65). Как представляется, связанные в данном конкретном случае с мышами запреты, ритуалы, ритуалы-диалоги, фольклорные формулы, поверия и легенды могут в не менее полном виде присутствовать в локальных традициях, не имеющих специального «мышинного» дня, и приурочивающих соответствующую ритуально-магическую практику ко дню св. Тифона, масленице, посту или Дню весны и т.п. Кажущаяся «ослабленность» соответствующей практики в таких традициях связана, скорее, с неполнотой информации в опубликованных источниках (действительно, вряд ли эксплоратор, работающий в таких пунктах, так же полно описывает «мышинные» ритуалы и т.п. на

масленицу, как эксплоратор, собирающий материал в пункте со специальным «Мышиным» днем). Наконец, и на территории Болгарии, где соответствующая практика выступает в «неослабленном» виде, отмечается наименование соответствующего дня в «незоологическом коде».

Вопреки утверждению, что «основной корпус карт характеризуется комплексным представлением явлений лексики и соответствующих экстралингвистических данных» (с. 13), ознакомление с картами в сопоставлении с программой и материалами ясно показывает, что последовательно мог быть картографирован и в действительности был картографирован лишь один экстралингвистический признак, имплицитно заложенный в любую программу по сбору диалектной лексики, — наличие/отсутствие реалии (что естественным образом картографируется на фоне вариантов названий реалии в случае ее наличия). В остальных случаях (когда следовало бы картографировать локализацию во времени или пространстве, отдельное ритуальное действие, ритуальные предметы, лица-участники обрядов, функции, ипостаси, генезис мифологического персонажа и т.п. (см. с. 21–33)) экстралингвистическая информация на картах либо полностью отсутствует, либо картографируется признак, не заложенный в программу (и, таким образом, лишь благодаря случайно для каждого пункта в отдельности имеющимся сведениям в литературе попадающий в сферу внимания автора), либо (в силу аналогичных индивидуальных для каждого пункта причин) не картографируется заложенная в программу информация. Это наглядно показывает приводимая ниже таблица, составленная на примере первых трех карт из каждого тематического раздела (т.е. 9 из 47 карт):

Явление	Экстралингвистические признаки	
	Программа	Карта
«Мышиный» день	с. 44, нет (разумеется, факт наличия/ отсутствия реалии не принимается во внимание в качестве экстралингвистической части программы)	1. наименование дня, когда осуществляются ритуалы изгнания мышей, не фиксируются; 2. весенний период празднования «мышинных» дней
«Волчьи» дни	с. 44, нет	1. празднование одного или нескольких дней; 2. весенний период празднования; 3. ритуал куриного жертвоприношения

День св. Андрея	с. 38, 1. угощение в этот день для медведя; 2. ритуал приглашения медведя; 3.* ¹¹ ритуал угощения медведя, легенда о св. Андрее, повелителе диких зверей, укротившем медведя	1. нет; 2. исполнение ритуалов, связанных с почитанием медведя; 3. легенда об укрощении медведя св. Андреем
Праздник по случаю рождения ребенка: названия, структура	с. 46, нет	1. название праздника отсутствует; 2. двойная структура праздника
Названия женщины-гость и на родинах	с. 46, нет (вопроса нет в новой редакции программы, но есть в редакции 1996 г.)	нет
«Рубашечка» новорожденного: названия, поверья	с. 45, поверие о наделенности такого новорожденного свойствами демона	1. ребенку приписываются свойства демона; 2. мотив оповещения о рождении демона как средство борьбы с его силой ¹²
Мифологические персонажи типа «вила»: названия, поверья	с. 52, 1. облик МП (молодое существо женского пола привлекательной внешности); 2. модус появления (вместе с вихрем; в коллективном танце; во время коллективной трапезы); 3. отношение к человеку (помогает людям или приносит вред; попадание человека в локус МП; столкновение человека с МП); 4. человек, возвращенный МП или вступивший с ним в половую связь, а потому обладающий сверхъестественными свойствами	2. Появление (отождествление) соответствующих персонажей с вихрем, ветром
Опасные для людей следы (места) пребывания персонажей типа вила	с. 52, представления о следах (местах) пребывания (круг после танца; стол, трапеза; деревья и т.п. как место сбора; иные объекты со следами пребывания демонов)	Картографируется наличие терминов и соответствующих представлений.
Вампир, ходячий покойник: названия, типы	с. 51, 1. облик МП (различные); 2. генезис МП (ходячий мертвец)	нет

¹¹ Знаком * помечены вопросы, отсутствующие в первоначальной версии программы 1996 г.

¹² «О рожденном в «рубашечке» следует оповестить народ, иначе мальчик станет колдуном, а девочка — ведьмой», п. 16 на карте.

Таким образом, очевидно, что программой не предусмотрена (но и не могла быть предусмотрена), а на картах не представлена вся хотя бы только ареалогически релевантная экстралингвистическая информация по каждому из рассматриваемых явлений. Очевидно также, что, в отличие от информации собственно лингвистической, автор не располагал для достаточного числа пунктов формально и функционально сопоставимой экстралингвистической информацией, которая могла бы быть последовательно картографирована. Но это ни в коем случае не означает, что в книге ее вообще нет — повторю, что подробному изложению накопленного в южнославянской диалектологии и этнографии знания посвящено основное содержание монографии, ее второй раздел, составленный скорее в жанре этнолингвистического словаря (ср. выше о «Мышином» дне).

Представляется, что на сегодняшний день почерпнутая из доступных источников экстралингвистическая информация, которую можно представить в виде традиционного этнографического или этнолингвистического описания или этнолингвистического словаря, несопоставимо более богата и разнообразна чем та, которая может быть признана полностью сопоставимой в междиалектном и межкультурном плане и отражена на картах. Составляемые ныне карты распространения экстралингвистических признаков — даже для такой достаточно хорошо изученной области, как южнославянские языки и культуры — полностью зависимы не от целеполагающей воли автора последовательно картографировать для некоторого числа пунктов признаки, заранее избранные в качестве релевантных (что является неременным условием составления любого географического атласа), а от информации, достаточно случайным образом содержащейся в источниках и при удачном стечении обстоятельств могущей быть нанесенной на карту. Одним из неизбежных проявлений фактора случайности на сегодняшний день является вынуждено непостоянная «сетка пунктов» — она в итоге не позволяет установить импликационных отношений ни между языковыми, ни между экстраязыковыми явлениями, представленными в одном пункте. Очевидно, что решение проблемы могло бы лежать в сфере составления именно этнолингвистического (балканского или, как минимум, балканославянского атласа) путем сбора полевого материала на основе специальной, составленной в сотрудничестве с этнографами этнолингвистической программы по исследованию духовной и материальной культуры, что только и может позволить реально перейти от лингвистического (со случайными элементами этнографического) к комплексному этнолингвистическому картогра-

фированию. Материалы для фрагментов такой программы можно видеть в экспериментальном и, вне всякого сомнения, уникальном труде А. А. Плотниковой.

ЛИТЕРАТУРА

- Бара, Каль, Соболев 2005 — Бара М., Каль Т., Соболев А. Н. Южноарумынский говор села Турья в Греции. Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. München, 2005.
- МДАБЯ 2003 — Малый диалектологический атлас балканских языков. Пробный выпуск. München, 2003.
- МДАБЯ (в печати) — Малый диалектологический атлас балканских языков. Под ред. А. Н. Соболева. Серия лексическая. Том I. Лексика духовной культуры. München.
- Плотникова 1997 — Плотникова А. А. Семантический подход к описанию терминологии южнославянской обрядности//Вопросы языкознания. № 2. 1997. С. 77–89.
- Соболев 2001 — Соболев А. Н. Болгарский широколыкский говор. Синтаксис. Лексика духовной культуры. Тексты. Marburg, 2001.
- Юллы, Соболев 2002 — Юллы Дж., Соболев А. Н. Албанский тоскский говор села Лешня (Краина Скрапар). Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. Marburg, 2002.
- Юллы, Соболев 2003 — Юллы Дж., Соболев А. Н. Албанский гегский говор села Мухурр (Краина Дибыр). Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. München, 2003.

Марбург, Германия

Андрей Н. Соболев